

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

ПЕРВЫЙ ШАГ
К МЕЧТЕ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Разработка серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29   Первый шаг к мечте / Людмила Мартова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-200833-7

Отправляясь в эту командировку, сотрудница юридической фирмы Нина не думала, что окажется в атмосфере английского детектива. Уединенная усадьба, хозяин которой недавно покинул этот мир, его многочисленные и совсем не дружные родственники, собравшиеся, чтобы присутствовать при оглашении завещания... Не хватает только снегопада, который отрежет усадьбу от внешнего мира! Но реальная жизнь — это не роман Агаты Кристи, и задача Нины не расследовать преступление, а обеспечить соблюдение юридических формальностей. Или предчувствие ее не обманывает и чисто английское убийство может произойти и в российской глубинке?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200833-7

© Мартова Л., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«Я увидела, что добро и зло неразделимы.

Трудно объяснить.

*Понимаем ли... наши поступки только символы,
сами по себе они ничего не значат.*

Наши побуждения – вот что важно».

«Право же, в жестокости судьбы

есть некоторая утонченность».

Э. Л. Войнич

«Сними обувь твою»

В поезде пахло едой, и Нина чувствовала голод. Вообще-то она старалась не есть после шести и сегодня плотно пообедала перед дорогой, но запах вареных яиц и жареной курицы, доносящийся из соседнего купе, был невыносимо приятен и разжигал аппетит вместе с воспоминаниями.

Воспоминания тянулись из детства. Того самого детства, которое Нина давным-давно запретила себе вспоминать. Когда-то мысли о нем, прекрасном светлом периоде ее жизни, были так мучительны, что Нина заставила себя больше никогда-никогда о нем не думать. Сначала получилось не очень, но с годами она привыкла.

И вот сейчас детство вернулось. Ударило исподтишка, добралось до нервных окончаний через запах курицы и яиц вкрутую. Мама всегда варила их в дорогу, когда они отправлялись в отпуск на море, и не было ничего вкуснее этой поездной еды, к которой прилагались обязательные помидоры, красные-красные, с тонкой просвечивающей кожицей, еле сдерживающей напор яростно рвущейся наружу сочной мякоти. А еще спичечный коробок с солью.

Нина макала в коробок поочередно то яйцо, то помидор, а мама ругалась, потому что соль становилась влажной, розовой, комковатой, с вкраплениями яичного желтка. Нине нравилось представлять, что это цыплята, клюющие соленые крупинки.

Мама и папа нет. Нет слишком давно для того, чтобы плакать, но глаза против воли наполнились слезами, и Нина быстро потерла их ладонями, не заботясь о макияже. Чертова курица. И есть ужасно хочется.

Она покосилась на соседа по купе. Высокий, кажется, симпатичный мужчина, чем-то неуловимо похожий на писателя Чехова, точнее, на его портрет, с детства знакомый любому советскому школьнику. Да и российскому, наверное, тоже. Мужчина заметил ее взгляд.

– Ужасно есть хочется, – пожаловался он. – Эта соседская курица так пахнет, что можно с ума сойти.

– Я тоже сижу и про это думаю. – Нина невольно улыбнулась, хотя всего полминуты назад ей вовсе не хотелось улыбаться. – По-моему, еда в поезде обладает какой-то особой магией. К примеру, мой сын в детстве очень плохо ел, но стоило нам сесть в поезд, как он тут же требовал достать еду.

– Мой сын еще маленький, восемь месяцев. – Мужчина снова улыбнулся, теперь уже своим внутренним мыслям. Было видно, что вспоминать о своем сынишке ему радостно. – Но думаю, что подрастет и тоже будет любить есть в поезде. Что ж, давайте знакомиться. В купе мы с вами вдвоем, и есть надежда, что так и останется до самой Москвы. Меня зовут Никита Чару-

шин. Возвращаюсь домой из командировки. А вы сами местная?

– Да. Я живу в Казани, – кивнула Нина. – И наоборот, еду в командировку. А зовут меня Нина Григорьевна Альметьева. – И, немного подумав, добавила нехотя: – Можно просто Нина. – Фамильярности она не любила.

Настроение у нее снова испортилось. Скорее всего, из-за слова «командировка». Даже самой себе Нина не хотела признаваться, что волновалась из-за нее ужасно. Командировка неожиданная, заранее неприятная, и, будь Нинина воля, она бы от нее обязательно отказалась. Но в этот раз начальник отчего-то даже не захотел слушать ее доводов. Это было странно, потому что с начальником – основателем и руководителем крупной юридической конторы Сергеем Павловым – она состояла в отношениях близких, гораздо более близких, чем предусматривала корпоративная этика. Вот уже пять лет они были любовниками.

Неженатый Сергей уже три или четыре раза делал ей предложение, но, обжегшаяся на молоке, Нина теперь дула на воду и категорически отказывалась снова вступать в брак. Пару раз в неделю она оставалась у Сергея на ночь, поскольку восемнадцатилетнего сына вполне можно было оставить дома одного, вернее, не совсем одного. К нему тут же приходила девушка, и подобный расклад Нину устраивал и без всякого штампа в своем паспорте.

Сергей не настаивал, и Нина была уверена, что предложения он делал просто для проформы. В то, что Сергей

ее любит, она не верила, понимая, что просто ему удобно. У них были общие интересы, служебные и не только, которые можно было обсудить после занятий любовью, схожие темпераменты и взгляды на жизнь. С Ниной было не стыдно выйти в свет – красавицей она не была, но к своим тридцати семи годам сохранила изящную фигуру и миловидное лицо, одевалась со вкусом и выглядела стильно и ухоженно.

Сын ее был парнем самостоятельным и приличным. Учился хорошо, окончил школу и поступил в институт на бюджет, не транжирил мамины нервы и деньги, не курил, не пил, не кололся, занимался спортом, но без фанатизма. С фанатизмом он относился лишь к подаренной ему на восемнадцатилетие машине. Глядя на сына, Нина иногда с усмешкой думала, что он родился за рулем. На самом деле почти так оно и было. Она родила в машине, но вспоминать об этом моменте своей жизни она не любила.

Итак, командировка. Когда Павлов вызвал Нину к себе в кабинет и объяснил суть задания, она сначала даже оторопела от изумления. Их адвокатское бюро должно было провести юридическое сопровождение похорон и оглашения завещания миллионера Георгия Липатова, скончавшегося на восемьдесят шестом году жизни. Когда-то давно Липатов был генеральным директором знаменитого Череповецкого металлургического комбината, который успешно акционировал в перестроечные годы. Последний «красный директор» рыночных веяний не понимал, а потому принадлежавшие ему акции продал и ушел на покой, обеспечив себе достойную старость.

Переехал в соседнюю область, купил бывшую барскую усадьбу на утесе над Волгой, протянул туда, как он сам говорил, «водопровод и цивилизацию» и поселился уединенно в сельской тиши, не привлекая к себе лишнего внимания более четверти века. И вот он умер.

– А мы тут при чем? – устало спросила Нина. – Если я что-то понимаю в географии, Казань от этой усадьбы далековато. Он что, в своей области адвокатской конторы не нашел?

– Я с ним давно знаком, – признался Сергей. – Ему меня не кто-нибудь, а Генрих Падва посоветовал. Липатов создавал трастовый фонд и не хотел иметь дело с громкими и крупными фирмами, ему был нужен кто-то мелкий, но надежный, а тут я и подвернулся.

– Сережа, – Нина смотрела внимательно, и он нагнулся, завязывая и без того завязанный шнурок на дорогом ботинке, – таким людям, как Липатов, не подворачиваются. Они точно знают, чего хотят.

– Какая разница? – Павлов занервничал, и Нина начала нервничать тоже. – Он несколько лет назад заключил со мной договор на юридическое сопровождение всех мероприятий, связанных с его возможной кончиной. Похороны послезавтра, все, что нужно сделать и заказать, я уже сделал и заказал. В рамках наших с Липатовым договоренностей с той стороны мне помогает человек, которого он оставил своим распорядителем. Но представитель нашей фирмы должен успеть приехать в усадьбу Знаменское до похорон, встретить всех наследников, познакомиться с ними и присутствовать при оглашении завещания, со-

блюсти все необходимые формальности и пробыть на месте вплоть до девятого дня. Это, кстати, обязательное условие не только для нас, но и для всех наследников. Если они претендуют на наследство, конечно.

– Мы же с тобой не претендуем, – резко сказала Нина. Перспектива уехать в неведомое ей Знаменское пугала ее чуть ли не до обморока. – Я так не претендую точно. Если уж ты ввязался в это дело, сорвал на этом Липатове неплохой куш и теперь не можешь отказаться, то пошли кого-нибудь другого. Почему я?

– Потому что я так решил, – резко сказал Павлов. Никогда, никогда до этого он не позволял себе так с ней разговаривать. – Потому что ты – мой лучший сотрудник. – Он снизил обороты, видимо понимая, что ничего не добьется прямым давлением. Нина была из другого теста. – Нина, я очень тебя прошу, поезжай. Я не могу всего тебе рассказать, но мне нравился этот старик, и я хочу, чтобы его последняя воля была исполнена, раз уж так получилось, что это зависит от меня.

– Хорошо, я поеду. – Нина и сама была удивлена вдруг неизвестно откуда взявшейся в ней решимости. – Терпеть не могу наследственных дел и от этого самого Знаменского не жду ничего, кроме головной боли. Но я поеду. Как зовут того человека, которого ты назвал распорядителем дел Липатова? С кем я там должна буду решать все вопросы?

– Вот и хорошо. – Павлов обрадовался так явно, что ей стало смешно. Она прекрасно знала своего любовника, а также то, что он терпеть не может скандалов. –

А координаты человека, с которым ты должна будешь поддерживать связь и оперативно решать все вопросы, я тебе дам. Его зовут Рафик Аббасов.

– Добрый друг, – задумчиво сказала Нина. Павлов внимательно посмотрел на нее:

– Ты его знаешь?

– Балда. – Она подошла и легкой рукой растрепала его волосы. Сергей любил, когда она так делала, и встряхнул головой, понимая, что опасность бури миновала. За внезапную и не очень приятную командировку Нина на него не сердится. – Имя Рафик в переводе с азербайджанского означает «добрый друг».

– Я всегда знал, что ты – потрясающе умная женщина. И откуда только ты все знаешь? Каждый раз удивляюсь. А что касается поездки, так это же меньше двух недель, – теперь Павлов говорил извиняющимся голосом, – заодно отдохнешь от всех остальных дел. Выспишься хорошенько на свежем воздухе. Там тихо должно быть, за городом-то. И вообще. Неужели тебе неинтересно посмотреть, как живут миллионеры?

Даже самой себе Нина ни за что бы не призналась, что да, интересно. Еще как. И что ее внезапное решение отправиться в Знаменское как раз и объясняется этим так некстати вспыхнувшим интересом. Уж тем более она не могла поведать об этом своему случайному попутчику, с которым оказалась в одном купе. «Я еду в командировку», – вот и все, что она могла сказать.

– Пойду хоть чаю нам раздобуду, – сказал попутчик. Блики играли на стеклах его очков в круглой оправе. Ну

точь-в-точь чеховское пенсне, еще бы бородку ему клинышком, и было бы совсем похоже. – Черный? Зеленый? Сахар? Лимон?

– Черный без сахара, а лимона два кусочка, если можно, – попросила Нина. – Спасибо вам, Никита. А то мне что-то грустно стало. У меня всегда перед любой поездкой такая вот беспричинная грусть. Не люблю из дома уезжать.

Он сходил к проводнице и принес два стакана чаю в железных подстаканниках, бывших таким же обязательным и вневременным атрибутом поезда, как жареная курица. Вкусно запахло лимоном. Чай оказался горячим и крепким, и Нина, обхватив кружку длинными изящными пальцами, немного расслабилась. Ну, не съедят же ее в этом Знаменском, в конце-то концов.

– А я раньше, наоборот, очень любил уезжать из дома, – попутчик продолжил прерванный разговор. – В поездках все всегда новое, неожиданное, не уныло-рутинное, а со вкусом приключений, что ли.

Нина представила возможные приключения и поежилась от внезапно охватившего ее холода.

– А сейчас что, надоели приключения? – спросила она, чтобы отвлечь саму себя.

– А сейчас я снова женился, и дома мне так хорошо, что во всех остальных местах плохо, – серьезно сказал он. – Вот сейчас еду и знаю, что меня ждут. Это же очень важно – знать, что тебя ждут дома.

Нина покосилась на него и ничего не ответила.

* * *

Дверь он открыл своим ключом, стараясь действовать как можно тише, чтобы не разбудить малыша, если тот еще спит, но Полина уже ждала его в коридоре, чтобы с размаху прыгнуть, повиснуть на шее, ткнуться носом в ложбинку между ключицами и вдохнуть мужнин запах, такой родной, такой знакомый.

– Привет, Пони, – ласково сказал Чарушин, продолжающий звать жену ласковым прозвищем, когда-то давным-давно данным ей отцом. – Как вы тут с Егоркой без меня?

– Мы с Егоркой хорошо, а без тебя плохо, – сообщила Полина, снова потерлась об него носом и отстранилась, давая мужу возможность раздеться и хотя бы поставить чемодан, который он все еще держал в руках. – Пойдем, я тебя покормлю. Мне нужно с тобой поговорить.

– Что-нибудь случилось? – осведомился Чарушин, хотя понимал, что ничего серьезного случиться не могло, иначе жена вела бы себя иначе.

– Нет. – Она пожала плечами и потянула его за рукав джемпера. Мол, проходи скорее. – Вернее, у нас все хорошо. И у мамы с Олей тоже. И у твоих родителей.

– А у кого тогда плохо? Не тяни, Пони, я же вижу, что тебе до смерти хочется мне что-то рассказать. Так поведай, не мучайся.

– Неинтересно с тобой, Никита, – нарочито печально сказала Полина, в глазах которой плясали чертенята. Все-таки она очень-очень по нему соскучилась за те пять дней, что его не было дома. – Все-то ты всегда знаешь.

Садись за стол. Сейчас подам тебе завтрак, как примерная жена, и все расскажу. Скоро Егор проснется, будет не до разговоров.

Чарушин помыл руки и сел за стол, на котором уже стояла плетенка с хлебом, накрытым чистой накрахмаленной салфеткой, масленка, контейнер с аккуратно порезанными сыром и колбасой, горка блинов, мисочка со сгущенкой и тарелка с аккуратно уложенными рядом ножом и вилкой. До женитьбы Чарушин обычно ел без церемоний, но сейчас ему это все очень нравилось – и негнущаяся салфетка, и сложносочиненный завтрак, и то, что его нельзя съесть без ножа, просто вилкой.

Полина выложила на тарелку жареные сосиски и рядом с ними пышный омлет, который ловко достала из духовки.

– Съдь уже. – Он поймал ее за руку и заставил сесть на табуретку. – Давай, говори, кого на этот раз ты вызвалась спасти, сердобольная ты моя.

Он уже не раз и не два помогал Полининым подружкам, бывшим клиенткам и просто знакомым знакомых ее мамы. У них постоянно что-то случалось, а Полина, его ненаглядная Пони, была не таким человеком, чтобы пройти мимо чужой беды. Слишком много ей пришлось пережить, когда совсем еще девочкой она осталась без отца и взвалила на свои плечи ответственность за мать и больную сестру.

– Тате нужна помощь, – сказала Полина. – Настоящая помощь, Никита. Она хочет заказать тебе частное расследование.

В свободное от служебных дел время майор Чарушин действительно занимался частным сыском. В пределах закона, разумеется, хотя и негласно. Семью, а теперь у него была семья, нужно было кормить. И раз уж Полина, несмотря на рождение ребенка, не захотела отказать от нескольких последних клиентов, квартиры которых убирала, чтобы не брать у него деньги на маму и Олю, то и ему было не грех подзаработать там, где это не вступало в противоречие с Уголовным кодексом и его собственным кодексом чести.

Тата как раз была одной из таких оставленных на время декрета клиенток – у тридцатилетней одинокой женщины, заведующей химической лабораторией нефтеперегонного завода, Полина прибиралась раз в неделю. Работы там было немного, а Тата ей нравилась, поскольку никогда не позволяла себе разговаривать со своей домработницей свысока, поила ее вкусным кофе, когда заставала в своей квартире, вела разговоры «за жизнь», всегда убирала за собой случайно пролитое молоко или разбитую банку варенья. Для Чарушина было удивительно, что так поступали не все, но Полина о нравах клиентов могла рассказать многое.

– Что-то случилось на заводе? – спросил Никита. – Если да, то я не возьмусь. Это серьезно, такое расследование нужно проводить только официальным путем. Я в бизнес-разборки встревать не собираюсь.

– Нет, у нее частное дело. – Полина забрала у него тарелку, он уже успел съесть все до крошечки, и поставила чистую, на которую ловко шлепнула блин. – У нее умер

дедушка. Завтра похороны, потом оглашение завещания. Дед жил за городом, и по воле умершего все наследники должны будут прожить в его загородном доме до девятого дня. Так вот Тата хочет попросить, чтобы ты поехал туда вместе с ней. У нее плохое предчувствие. А у тебя все равно с завтрашнего дня две недели отпуска, так что ты вполне можешь себе это позволить.

Чарушин не верил собственным ушам. Он был уверен, что за пятидневное его отсутствие Полина соскучилась по нему, а она, оказывается, спит и видит, чтобы сослать его в какую-то тьмутаракань только потому, что этого хочется ее клиентке?

– Пони, ты что? – Он внимательно посмотрел на жену. – Ты правда хочешь, чтобы я провел почти весь отпуск не с тобой и Егором, а с твоей Татой, и только оттого, что у нее плохое предчувствие?

– Во-первых, она пригласила меня поехать вместе с тобой, – невозмутимо ответила Полина. – Тата говорит, что усадьба очень большая и мы с Егором там никому не помешаем. Мы даже не будем жить в основном доме, нам выделят один из гостевых домиков. А во-вторых, Тата – одна из самых здравомыслящих женщин, которых я знаю. Если она говорит, что дело нечисто и ей нужна помощь, значит, так оно и есть.

– Ты говоришь, что у нее умер дед. Сколько лет ему было?

– Восемьдесят пять.

– Пони... – Чарушин даже вилку отложил, так и не донеся до рта вкусный, блестящий от масла блин. – Что

может быть нечисто в смерти восьмидесятипятилетнего старца?

– Я не знаю. И Тата не знает. – Полина встала и налила мужу чаю. – Но быть может все, что угодно. Во-первых, потому что ты сам меня этому учил. А во-вторых, потому что ее дед – Липатов.

– Липатов? Тот самый?

– Да. Тот самый. Миллионер Липатов, отстроивший усадьбу Знаменское.

– И на похороны съедутся все его наследники?

– Да. И Тата – одна из них. Возможно, она – основная наследница, потому что дед ее очень любил. Поверь, Никита, ей очень важно, чтобы при оглашении завещания с ней рядом кто-то был.

– Она считает, что ей угрожает опасность?

– Нет. – Полина снова пожала плечами. – Ничего конкретного она не считает.

– И ты действительно хочешь поехать?

– Хочу. Хочу, Никита. – Полина выглядела очень серьезной. – Я уже больше года не отдыхала. Наш с тобой последний отпуск был в прошлом сентябре. Ты на работу ходишь, людей видишь, вон в командировки ездешь. А я или дома с Егором, или у мамы с Олей, либо быстренько полы у клиенток мою и обратно. Да, я хочу в Знаменское. Там свежий воздух, там мне не надо будет стоять у плиты, там можно гулять с коляской не по грязным улицам, а по заснеженному лесу. А еще там будет приключение. Не ежедневная рутина, а приключение. Понимаешь?

Чарушин понимал. Со своей будущей женой он познакомился как раз в отпуске, в Коктебеле, откуда они вернулись уже с Егором, хотя тогда этого и не знали. И там на их долю выпало приключение, в эпицентре которого оказалась именно Полина, а Чарушин ее спас и ее сестру Олю спас тоже, хотя так бывает только в сказках¹.

Тогда Полина показала себя настоящим бойцом и вообще огромной умницей, без подсказок которой Чарушин, может, и не справился бы с расследованием. И теперь его деятельной жене очень хотелось нового приключения, вызывающего выброс адреналина в кровь. Это у него с его работой адреналина хватало, хоть пруд пруди, а ей действительно было скучно и маотно в круге работа-дом-ребенок-мама-сестра-муж.

– Хорошо, – сказал он и предупредительно поднял ладонь, потому что видел, что жена уже готова пуститься в пляс от радости. – погоди, я пока ничего не обещаю. Пока я согласен встретиться с этой твоей Татой и поговорить о том, зачем ей понадобился сыщик. Если мне ничего не покажется подозрительным, то я возьмусь за это дело и мы с тобой поедem в Знаменское. Только денег с твоей Таты мы не возьмем. Моя помощь будет платой за кров и стол. Я, знаешь ли, как-то не привык одалживаться у наследниц миллионного состояния.

– Спасибо. – Полина просияла и поцеловала его крепко-крепко. – Я сейчас позвоню Тате и спрошу, может ли она к нам приехать.

---

¹ Подробнее в романе Людмилы Мартовой «В Коктебеле никто не торопится». – *Прим. ред.*